

Издано
в СССР

ОТКРЫВАЯ ТАЙНУ КРАСОТЫ...

Дзюньитиро. Танидаки. Избранные произведения в двух томах. Составление, предисловие, комментарии и научная подготовка текста И. Львовой. Москва, «Художественная литература», 1986.

Творчество Танидаки Дзюньитиро (1886—1965), крупнейшего японского писателя XX столетия, известно в нашей стране. В 1929 году издательство «Прибой» опубликовало роман «Любовь глухца», затем мы познакомились с некоторыми рассказами, с программным эссе «Похвала тени». В 1984 году в «Науке» выпущен сборник «Мать Сигэмото», куда наряду с одноименной повестью вошли пьеса «О-Куни и Гохэй», рассказы, эссе об искусстве и литературе. Теперь, с помощью двухтомника, мы получили возможность осмыслить приблизившееся к нам крупное явление японской и мировой литературы.

Попробуем взглянуть на Танидаки Дзюньитиро, сопоставив его с другим японским автором, давно и прочно завоевавшим любовь в нашей стране.

Танидаки Дзюньитиро и Акутагава Рюноске были современниками. Их литературная деятельность началась в то время, когда буржуазная Япония стремилась сравниться с Западом не только в плане материальном, но и в духовном. Молодые японские писатели жадно интересовались символизмом, кубизмом, футуризмом. «Человеческая жизнь не стоит и одной строки Бодлера», — известная декларация Акутагава Рюноске характеризует целое пи-

сательское поколение, поклонявшееся Красоте. Поэт и скульптор, Такамура Котаро вспоминал впоследствии, что артистическая молодежь тех лет верила в исключительное значение культуры, в ее великую миссию — преобразовывать мир.

Формально Акутагава Рюноске не принадлежал к литературному салону «Общество Пана», основанному в 1909 году группой неоромантиков. К ней принадлежал Танидаки Дзюньитиро. Но первые же рассказы Акутагава, появившиеся в 1915 году, свидетельствуют одновременно и об общности и о различии его позиций и эстетических устремлений с неоромантиками.

Позже эти различия выльются в открытую полемику с Танидаки. Спор был принципиальным и продолжался десятилетия спустя после самоубийства Акутагава в 1927 году. Идеалы древности особым светом озаряли для них современность, открывались точки соприкосновения, взаимообусловленности, но у каждого из писателей это происходило по-своему, глубоко индивидуально.

Вот рассказы «Муки ада» Акутагава и «Татуировка» Танидаки, их интересно сравнить хотя бы потому, что в каждом понятие Красоты претворяется в резко определенной форме. Зла. Красота-зло органически связана со структурой души того, кто творит ее, и быть может, оттого демонизм в этих рассказах и проявляется столь рельефно.

В рассказе Танидаки, по верному замечанию И. Львовой, главной становится «апология жестокой власти, которой обладает чувственная женская красота, ведущая к гибели каждого, кто познает власть ее чар». Сэйкити создает свой шедевр — «огромного паука дзёро», раскинувшего жадные, уродливые лапы на спине юной девушки, но, едва успев очнуться от хлороформа, жертва у Сэйкити превращается как бы в подобие паука — она понесет в мир свою красоту не для гармонии, не для добра. Женщина, познавшая губительную силу своей красоты, ее власть, воспользуется этим оружием, чтобы унижать и истреблять.

В отличие от Сэйкити, променявшего искусство живописи на ремесло татуировщика, герой рассказа Акутагава остается подлинным художником, чьей кисти подвластно многое, но талант его жесток, болезнен: в работах Ёсихидэ «замешано колдовство», дающее ощущение даже «зловония... трупов», разлагающихся на картине «Круговорот жизни и смерти». Старый художник предан лишь одной «форме» — «красоте уродства», потому и мучится он невозможностью увидеть в жизни то, что необходимо, по его мысли, воплотить в картине ада: падающий экипаж, охваченный огнем, красивую молодую женщину, гибнущую в пламени. И когда его светлость Хорикава приказывает сжечь в экипаже любимую единственную дочь Ёсихидэ, художник, окаменев лишь в первую минуту, уже в следующее мгновение с восхищением наблюдает, «как в мучениях умирает его дочь. Красота алого пламени и мятущаяся в огне женская фигура беспредельно восхитали его сердце и поглотили его без остатка»...

Только ли об искусстве, которое неизмеримо выше жизни, думали два японских писателя, создавая свои трагические рассказы? Думается, нет. Здесь была попытка проникновения в таинство зла, приобретшего магическую притягательность для многих тогдашних западных писателей, а вслед за ними — и для японских. Рассказ «Татуировка» был первым в творчестве Танидзаки Дзюньитиро, и тема надолго привлекла писателя к себе. Его героини, властные и жестокие, зачастую напоминают болезненно-извращенных женщин, запечатленных западной литературой конца XIX — начала XX века, но и от национальной японской традиции они неотделимы.

Акутагава Рюноске написал свой рассказ через восемь лет после «Татуировки», и, видимо, именно здесь началась долгая полемика двух прозаиков. Сэйкити вложил всю душу в «татуировку», и Зло словно «отпустило» его, избрав отныне другого носителя и воплощения. Может быть, теперь художник сможет вернуться к подлинной живописи, начнет искать иную красоту, одухотворенную, лишенную демонизма, — конец рассказа Танидзаки открыт. Акутагава же завершает повествование гибелью Ёсихидэ, покончившего с собой: он не выдержал бремени зла, овладевшего его душой. Гибель старого художника равнозначна пробуждению души, и в подобном финале рассказа видится зарождение иной темы, ставшей для Акутагава магистральной, — темы человека, страстно ищущего выхода из тьмы. «Структура души», столь интересовавшая писателя с первых же шагов в литературе, окончательно оформилась в самостоятельную, независимую от категории красоты и неподвластную ей. Свидетельство тому — все его дальнейшее творчество, приведшее Акутагава к глубочайшему нравственному кризису.

Спустя несколько десятилетий было бы неправомерно «судить» Танидзаки тем «судом», которому подвергал его Акутагава. Само понятие красоты с годами претерпело у Танидзаки Дзюньитиро существенные изменения. Пройдя искус «демониче-

ской» красотой, писатель постепенно приблизился к пониманию красоты истинной, человеческой, осененной чистотой и нравственностью, например, в романе «Мелкий снег» (1943—1948), своего рода хронике жизни семейства Макиюка, раскрывающей перед читателем духовный мир и психологию японцев.

Кстати, прозрачность и стилистическая «чистота», даже изысканность — особое качество прозы Танидзаки Дзюньитиро, обоснованное им в многочисленных эссе об искусстве и литературе и неукоснительно выдерживаемое на протяжении всего творчества. В таких, например, рассказах, как «Цзилинь», «Рассказ слепого», «Лианы Ёсино», словно отражена та бесконечность комбинаций светотени, о которой Танидзаки пишет в эссе «Похвала тени» (1943), притоткрывающем для европейцев многие черты японского национального характера, быта, психологии: «мы считаем, что красота заключена не в самих вещах, а в комбинации вещей... Вне действия, производимого тенью, нет красоты: она исчезает подобно тому, как исчезает при дневном свете привлекательность драгоценного камня «ночной луч», блещущего в темноте».

Наверное, эти слова писателя можно отнести ко всему его творчеству, и в первую очередь здесь стоит назвать рассказ «Лианы Ёсино», по мнению японских критиков, — «одно из самых проникновенных и поэтических произведений Танидзаки», но, конечно, для читателя, только еще входящего в эстетику и философию японского писателя, главными станут его романы «Любовь глупца» и «Мелкий снег».

Герой «Любови глупца» (1925) инженер Дзэдзи Кавай — образ, навеянный в значительной мере собственным жизненным опытом писателя, уже ощутившего разлагающее влияние западной цивилизации на нравы и психологию молодых японцев. Бездумное копирование обычаев, привычек пагубно для национальной культуры в целом — в этом утверждении пафос романа. Под воздействием «новомодных веяний» утрачиваются не только классические для японца «пять принципов морали» — человеколюбие, чувство долга, благопристойность, разумность, правдивость, — но и элементарные понятия нравственности, душевной чистоты. Молодые уже не способны отличить «черное» от «белого», происходит нивелировка всех чувств и ощущений. И чем тягостнее для Дзэдзи становится это «новое мировосприятие», тем глубже, безвозвратнее опускается он во мрак грязи и пошлости.

В каком-то смысле роман «Любовь глупца» явился для писателя способом расчета с прошлым. Закончился очень существенный период его творчества, был подведен итог демонизму. Но до романа «Мелкий снег» было еще далеко, идеал другой, «божественной» красоты должен был пройти через горнило жестоких сомнений и поисков истины...

«Мелкий снег» — вершинное произведение Танидзаки Дзюньитиро не только потому, что категория красоты обрела здесь завершенность. Широкий охват событий,

раздвигающий рамки традиционного «семейного романа», заставляет рассматривать произведение как своего рода энциклопедию японской жизни 30-х годов.

Критик Сюити Като писал, что роман «Мелкий снег» воспринимается как своего рода «поиски утраченного времени». Отчетливо звучащие в нем ностальгические нотки невозможно воспринять иначе: история жизни четырех сестер Макиока, запечатленная почти изо дня в день, наполненная реалиями быта, особенностями психологии, национальными традициями, законами этикета,— все это из дня сегодняшнего невозможно расценить иначе, чем тоску по утраченной гармонии. На наших глазах словно рушится мир японского дома: младшая из сестер, Таэко, бунтует против веками складывавшихся устоев, пытается строить собственную жизнь по законам «нового бытия». Ее разрыв с семейством Макиока гораздо глубже и болезненнее, чем может показаться на первый взгляд, Таэко, по мысли писателя, утрачивает чистоту, незамутненность красоты — одно из ключевых понятий эстетики Танидаки. А чистота, незамутненность отчетливо проступают лишь в причудливой игре светотени, в которой, говорят, Танидаки открылась тайна подлинной красоты.

НАТАЛЬЯ СТАРОСЕЛЬСКАЯ